

Пролог

Мономиф

1. Миф и сновидение

Когда мы высокомерно наблюдаем за красноглазым шаманом из Конго в разгар ритуала или получаем изысканное наслаждение от чтения утонченных переводов загадочных стихов Лао Цзы; когда пытаемся проникнуть в сложную аргументацию Фомы Аквинского или внезапно улавливаем смысл причудливой эскимосской сказки — всегда мы встречаем одну и ту же, изменчивую по форме, но все же на удивление постоянную историю и вместе с тем один и тот же вызывающе настойчивый намек на то, что неизведанное, где-то ждущее нас, много больше, чем когда-либо можно будет познать и поведать миру.

Везде, где ступала нога человека, всегда и в любых обстоятельствах люди создавали мифы, живое воплощение работы человеческого тела и духа. Не будет преувеличением сказать, что миф — это чудесный канал, по которому оплодотворяют человеческую культуру во всех ее проявлениях неистощимые потоки энергии космоса. Религии, философии, искусства, формы социальной организации первобытного и исторического человека, открытия в науке и технике и сами сновидения, вспышками врываются в наш сон, — все это зарождается в изначальном, магическом круге мифа.

Просто удивительно, что самая незатейливая детская сказка обладает особой силой затрагивать и вдохновлять глубокие пласты творчества — подобно тому,

как капля воды сохраняет вкус океана, а яйцо блохи вмещает в себе все таинство жизни. Ибо мифологические символы не рождаются сами по себе; их нельзя вызывать к жизни волею разума, изобретать и безнаказанно подавлять. Они представляют собой спонтанный продукт психики, и каждый из них несет в зародыше нетронутой всю силу своих первоисточников.

В чем кроется тайна этого неподвластного времени видения? В каких глубинах мозга оно зарождается? Почему мифы везде одни и те же, в какие бы одежды они ни рядились? И в чем их смысл?

Многие отрасли науки пытались ответить на этот вопрос. Археологи ищут ответ на раскопах в Ираке, на Крите и в Юкатане. Этнологи собирают информацию у хантов на берегах Оби и африканских племен буби, живущих в долинах Фернандо-По. Новое поколение востоковедов недавно обнаружило священные тексты Востока, а также источники Священного Писания, созданные в доиудейскую эпоху. А другая группа целеустремленных исследователей-этнопсихологов еще в прошлом столетии пыталась ответить на вопрос о психологических истоках языка, мифов, религии, искусства в их развитии, норм морали.

Самые удивительные сведения мы получили благодаря исследованиям психиатров. Смелые и поистине эпохальные работы психоаналитиков незаменимы для изучающего мифологию; ибо, как бы мы ни оспаривали детали их подчас противоречивых толкований конкретных случаев и проблем, Фрейд, Юнг и их последователи неопровержимо продемонстрировали, что логика мифа, его герои и их деяния актуальны и по сей день. В отсутствие общезначимой мифологии каждый из нас имеет свой собственный, непризнанный, рудиментарный, но тем не менее подспудно действующий пантеон сновидений. Новейшие воплощения Эдипа

и персонажи нескончаемой любовной истории Красавицы и Чудовища стоят сегодня на углу Сорок второй улицы и Пятой авеню, ожидая, когда поменяется сигнал светофора.

— Мне приснилось, — написал молодой американец автору одной из газетных колонок, — что я ремонтирую крышу своего дома. Вдруг я слышу, как снизу меня зовет отец. Я быстро поворачиваюсь, прислушиваясь, вдруг роняю молоток, он выскользывает у меня из рук, скатывается с крыши и падает вниз. Потом глухой звук, словно кто-то упал.

Ил. 2. Вишну размышляет о Вселенной (каменная скульптура). Индия, 400–700-е гг. н. э.

В крайнем испуге я спускаюсь по лестнице и вижу отца, который лежит на земле с окровавленной головой. Вне себя от горя, я зову мать. Она выходит ко мне, обнимает и говорит: «Не надо так, сынок, это просто несчастный случай, ты не виноват. Ты же будешь заботиться обо мне, даже если отца уже нет». Она целует меня, и я просыпаюсь.

Я старший из детей, мне двадцать три. Уже год, как я ушел от жены, что-то у нас не сложилось. Очень люблю и отца, и мать, и единственные разногласия, которые у меня возникали с отцом, были по поводу жены, потому что он настойчиво советовал мне вернуться к ней, а я понимаю, что несчастлив с ней. И так оно и будет¹.

Этот пример показывает, как мужчина, не состоявшийся как муж, наивно признается в том, что, вместо того чтобы попытаться наладить свою семейную жизнь, он в глубине души все еще пребывает в заколдованном трагикомическом треугольнике своего детского мира, где сын и отец соперничают за любовь матери. Из всех животных мы дольше всех остаемся у материнской груди, и это определяет наиболее постоянные характеристики человеческой души. Человек рождается слишком хрупким и уязвимым, он еще не готов встретиться с миром лицом к лицу. Именно мать защищает его от всех опасностей, своей заботой продлевая покой, который человек испытывал в период своего внутриутробного развития². Именно потому ребенок и мать составляют единое целое, пережив травму рождения, и физиологически, и психологически³. Младенец переживает беспокойство, если матери долго нет рядом, и в результате у него развивается импульс агрессии; если мать не разрешает ему чего-то, это также вызывает его агрессию. Таким образом, первый объект враждебности и первый объект любви ребенка — это один и тот же человек, и он же его первый идеал (который впоследствии станет бессознательной основой всех образов блаженства, истины, красоты и совершенства), и он составляет основу двуединой сущности Богоматери и Младенца⁴.

Именно отец, к сожалению, первым нарушает безмятежный покой внутриутробного мира, и оттого

становится объектом враждебности. Агрессия, которая предназначена «дурной» или отсутствующей матери, выливается на него, но при этом влечение к доброй матери-кормилице, хорошей и заботливой, сохраняется. Именно так в детском сознании закладывается краеугольное представление об импульсе смерти (*танатос: деструдо*) и любви (*эрос: либидо*), которое закладывает основу для формирования знакомого всем эдипова комплекса, на который Зигмунд Фрейд примерно полвека назад возложил ответственность за незрелое поведение взрослых. Он пишет: «Царь Эдип, убивший своего отца Лая и женившийся на своей матери Иокасте, представляет собой лишь осуществление желаний нашего детства. Но более счастливые, нежели он, мы сумели отторгнуть наше сексуальное чувство к матери и забыть свою ревность по отношению к отцу»^{5*}. А также: «Таким образом, в каждом зафиксированном отклонении от нормальной сексуальной жизни мы должны были увидеть задержку в развитии и инфантилизм»⁶.

*Во сне нередко видят люди, будто
Спят с матерью; но эти сны — пустое,
Потом опять живетсЯ беззаботно*⁷.

Печальная история женщины, любимый человек которой не смог повзрослеть и вместо этого заблудился в романтических сновидениях собственной

* Также указывается, что отец воспринимается как защитник, а мать — как искусительница. Так мы переходим от Эдипа к Гамлету. «О Боже! Заклучите меня в скорлупу ореха, и я буду чувствовать себя повелителем бесконечности. Если бы только не мои дурные сны!» (Вильям Шекспир. Гамлет, принц датский. Действие 2, сцена 2 / Перевод Бориса Пастернака). («Каждый из невротиков, — пишет Фрейд, — или Эдип, или Гамлет».)

детской, может быть интерпретирована более подробно на другом примере сновидений современного человека, и в этот момент мы начинаем понимать, что действительно входим в пространство древнего мифа, но воспринимаемого в очень своеобразном ракурсе.

«Мне приснилось, — пишет встревоженная женщина, —

что за мной повсюду неотступно следует огромный белый конь. Я оглядываюсь, чтобы посмотреть, здесь ли он еще, и тут он превращается в мужчину. Я велела ему зайти в парикмахерскую и сбрить гриву, и он послушался. Потом он вышел оттуда и выглядел почти как обычный мужчина, но у него по-прежнему были лошадиные копыта и лошадиная голова. Он так и шел за мной, потом приблизился и в этот момент я проснулась.

Я уже четырнадцать лет замужем, мне тридцать пять, у меня двое детей. Я уверена, что мой муж мне не изменяет»⁸.

Бессознательное порождает в нашем мозгу всевозможные странные образы, таинственных персонажей, страхи и фантомы — когда мы спим, или бодрствуем, или когда теряем контроль над собой; потому что под маленьким аккуратным зданием, которое представляет собой наше сознание, есть нечто, напоминающее глубокие подземные пещеры Аладдина. И кроме драгоценного клада там таится и коварный джинн — это наши постыдные или запретные психологические влечения, которые мы не осмелились или не смогли выпустить на свободу. Там они и пребывают, пока какая-то мелочь — случайно вырвавшееся слово, аромат, глоток чая или мимолетный взгляд — не нажмут на скрытую пружину, и тогда в наш мозг нагрянут незванные опасные гости. Опасные оттого, что

покушаются на наше ощущение безопасности, на котором строится наша жизнь и жизнь наших близких. Но их дьявольский соблазн обещает нам ключ к новому миру, где в конце заманчивого и полного опасностей путешествия мы откроем самих себя. Нас искушают разрушить построенный нами и обжитой мир и самих себя, потом заново отстроить его, сделав лучше, ярче, светлее, просторнее, и зажечь там полной насыщенной жизнью — вот чем нас искушают, вот что нашептывают нам тревожные ночные гости из царства мифа, которое заключено в нас самих.

Психоанализ, современная наука толкования сновидений, научил нас быть внимательными к этим бестелесным образам. И они показали нам, как помочь эти духам выполнить их предназначение. Теперь позволено спокойно проходить через опасные кризисы индивидуального развития под надежной защитой специалиста по толкованию сновидений, который действует, подобно древнему магу (*μυσταγωγός*), проводнику душ, или первобытному лесному колдуну, которые руководят таинственным обрядом инициации. Врач — это современный повелитель царства мифов, знающий тайный путь и владеющий заклятиями. Он выполняет ту же роль, что и Древний Мудрец из мифов и сказок, советы которого помогают герою преодолеть испытания и кошмары невероятного приключения. Именно он появляется и указывает, где хранится заколдованный сверкающий меч, которым будет повержен злодей-дракон, расскажет, где томится в ожидании невеста и находится замок с сокровищами, волшебным снадобьем исцеляет смертельные раны, а потом снова отправляет героя в обычный мир, когда путешествие в зачарованный мир окончено.